

МОДЕРНИЗАЦИЯ — ДЕВИАНТНАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА?

О.Ю. МАМЕДОВ

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: mamedov@sfedu.ru

Модернизация рассматривается автором как совокупность императивов посткризисного развития российской экономики, показаны проблемы практического осуществления модернизации.

Ключевые слова: модернизация, постмодернизация, демодернизация экономики.

Modernization — Deviant Model of Economic Growth. The author considers modernization as a complex of imperatives of post-crisis development of Russian economy and shows the practical problems of modernization.

Keywords: modernization, post-modernization, demodernization of economy.

Объявленная цель общественного развития на видимый период, обозначенная как «модернизация», всколыхнула все общество. И не случайно — сегодня практически всеми ощущается потребность в коренных, кардинальных переменах в экономике, политике и идеологии.

Особую роль в этом обновлении играет отряд ученых, традиционно называвшихся в нашей стране «обществоведами». Ведь модернизация российской экономики является частью системной модернизации всего российского общества. Поэтому только совместные усилия экономистов и социологов, историков и политологов, юристов и психологов способны выполнить ту познавательную функцию, которая закреплена за ними в сфере научного разделения труда.

К сожалению, в настоящее время каждая группа обществоведов все сильнее замыкается в границах искусственно навязываемой им узкопредметной специализации. Тем не менее уже сегодня совместными усилиями отечественных обществоведов обеспечены фундаментальные достижения в исследовании модернизации, учитывать которые необходимо каждому социоаналитику.

1. Модернизация трактуется обществоведами как движение от традиционного, аграрного общества — к обществу современному, индустриальному. Еще важнее, что соотношение «традиция — современность» рассматривается как переход от жестких социальных структур — к гибким социальным структурам, как движение от традиционной общинности — к индивидуальной автономии.

Для нас, экономистов, важно осознать, что эти системные тенденции в полной мере распространяются и на экономику!

2. Обществоведы различают «первичную» и «вторичную» модернизацию, при этом вторичная модернизация трактуется ими как «догоняющая». А «догоняющая модернизация», как утверждают социологи, часто принимает форму «вестернизации», то есть прямого заимствования «западноевропейской либеральной модели модернизации». Впрочем, «догоняющую модернизацию» успешно вытесняет «постмодернизм». Следовательно, экономистам надо было бы думать не только о «модернизации», но и о, так сказать, «постмодернизационном» периоде.

3. Модернизация — это не просто «догоняющее», а — «ускоренно-догоняющее» развитие страны, причем проводимое только «сверху». Никакая «невидимая

рука рынка» не может реализовать модернизацию. Но если это так, то первичными в механизме осуществления модернизации выступают факторы *политические*. К тому же, как доказали обществоведы, модернизация всегда проводится жесткими и авторитарными методами, всегда сопровождается мобилизацией ресурсов. Для экономиста политическая бесспорность и экономическая опасность таких социологических выводов очевидна.

4. Модернизация как ускоренное развитие происходит не во всех сферах общества и экономики, а в их отдельных секторах, которые дают резкий прирост и становятся, так сказать, «локомотивами» всего народного хозяйства. Такой селективный подход в условиях господства бюрократии всегда чреват административным выбором модернизируемых сфер и отраслей экономики.
5. Модернизация всегда нарушает чьи-то интересы, так как выгодна одним классам и невыгодна другим. *Именно поэтому*, как считают социологи, «*демократическая модернизация*» *неосуществима*. В результате модернизация усиливает противоречия между классами и социальными группами.

Для экономистов отсюда следует, по меньшей мере, три вывода:

- модернизация не будет «увеселительной прогулкой», а встретится с сопротивлением многочисленных противников;
- необходимо вербовать сторонников модернизации реальными экономическими преференциями;
- модернизация, разрешая одни противоречия, приведет к новым, еще более сложным противоречиям.

Относительно этого, последнего, пункта хочу сказать с горечью, что социологи взяли на себя те познавательные функции, которые ранее находились в компетенции особой группы экономистов — «политэкономов». Теперь уже отчетливо видно, что мере вымирания политэкономов экономисты все сильнее превращаются в «производственников» и «технологов», ориентируясь не на социальные аспекты производства, а на его технологическое содержание.

Модернизация — это особая модель экономического роста.

Ее особенность в том, что она, как полагают ее инициаторы, способна обеспечить небывало ускоренный рост экономики.

Другими словами, это — ставка на «чудо»: необычным манипулированием сбережениями и инвестициями посредством концентрации ресурсов в тех сферах и отраслях экономики, которые должны стать точками последующего роста всей экономики.

Тайна, соблазн и опасность модернизации как инструмента ускоренного роста экономики и состоит в этой кажущейся простоте — сосредоточить все ресурсы там, где это надо. И тогда будет скачок.

Но так ли это?

Как экономист, я хотел бы сказать об экономической сущности модернизации. Нам привычнее говорить о «технологической модернизации», политики, опасаясь социальных потрясений, подчеркивают, что у нас будет некая «консервативная модернизация», но надо было бы откровенно сказать правду: **МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ОЗНАЧАЕТ УСИЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ, И — БОЛЬШЕ НИЧЕГО!** А это на практике только одно — сокращение роли государства в экономке, вытеснение его из тех сфер экономики, в которых полным хозяином должен быть сугубо предприниматель.

Общее содержание такого поворота сводится к следующему: «политическая вертикаль» обернулась гипертрофией «экономической вертикали», существенно ослабившей всю экономику, которая сегодня нуждается в развитии «экономической горизонтали», поскольку только на уровне «экономической горизонтали» возможна конкурентная среда.

К этому сводится сущность современной модернизации российской экономики. Если мы этого не сделаем, то модернизация обернется «демомодернизацией».

Но кто же может выступить генератором модернизации?

Увы, пока такого «модернизатора» не видно — для того, чтобы стать стимулировать рыночно-эффективные проекты, частный сектор слишком слаб, а государство — слишком сильно.

Наша рыночная экономика еще очень юна. Поэтому самое главное сегодня — чем обернется для юного российского рынка модернизация?

К сожалению, история России сложилась как движение от модернизации к модернизации — как начали с петровской модернизации, так до сих пор не можем остановиться. И за каждую модернизацию приходилось платить высокую цену, очень высокую. Поэтому надо было бы прикинуть и цену предстоящей модернизации.

Особо следует сказать о главном условии успешности модернизации — модернизация российской экономики может опираться только на модернизированное государство.

Модернизация — первый общероссийский «национальный проект», который должен реанимировать демократические и либеральные тенденции, поскольку мы вступаем в этап реставрации тех ценностей, которые уже десять лет у нас проходит по разряду «негативных».

1. Длительный период мы мирились со своей зависимостью от экспорта сырья, — сегодня же наша цель прямо противоположна.
2. Длительный период мы наращивали присутствие государства в экономике, — сегодня даже высшие чиновники призывают к сокращению государственного вмешательства в экономику.
3. Длительный период мы препятствовали появлению гражданской экономики, — сегодня принимаются чрезвычайные меры (вплоть до правительственной поддержки неправительственных организаций) для ее становления.
4. Длительный период растущие цены на энергоносители препятствовали модернизации экономики, — сегодня их падение рассматривается не как смертный приговор «сырьевой экономике», а как объективный стимул к построению высокотехнологичной несырьевой экономики.
5. Определенный период мы притормозили рыночные реформы, — сегодня, маскируя их под названием «структурные реформы», они будут продолжены.
6. Еще недавно создание гигантских государственных корпораций рассматривалось как крупнейшее достижение, однако уже официально заявлено, что эта форма не имеет будущего в долгосрочной перспективе (поэтому госкорпорации должны быть превращены в акционерные общества и переданы в частные руки).
7. Политическая сфера, которая давно уже не являлась «местом для дискуссий», официально призвана к «открытой конкуренции идей».

Все это, по моему мнению, говорит об одном — страна вступает в новый период своего развития, который, с учетом перемены вектора движения, можно очередной раз назвать «поворотным».

Конечно, нельзя сказать, что задача модернизации российской экономики застала экономистов врасплох. В российском Интернете, например, свыше 10 миллионов (!) ссылок по «модернизации».

Поскольку модернизация объявлена главным вектором посткризисного развития российской экономики, то общество ждет от экономистов прямого ответа на три вопроса:

- 1) возможна ли вообще модернизация российской экономики?
- 2) если «да», то при каких условиях?
- 3) и — самое главное — может ли модернизация российской экономики обернуться ее... демодернизацией?

Анализ проблем модернизации таит одну опасность — опасность абсолютизации производственного подхода.

Дело в том, что многолетними усилиями ВАК каждая отрасль, сфера и регион российской экономики представлены в науке мощным отрядом ученых, для которых приоритет «защитившей» их отрасли, сферы или региона и есть смысл их научной активности. Поэтому, когда читаешь перечень сфер и отраслей, нуждающихся в модернизации, создается впечатление, что в отечественной экономике уже нет такого региона, сферы или отрасли, которые бы не нуждались в модернизации.

Однако в соответствии с традицией внутринаучного разделения труда основную работу в подобных случаях обычно выполняют экономисты-теоретики. И это понятно — без концептуального понимания, в чем состоит модернизация экономики, ее прикладная разработка невозможна.

Концептуальное же понимание модернизации требует ее рассмотрения в контексте *определенной* экономической теории. И такой теорией может быть только теория экономического роста.

Действительно, при всех различиях между моделями экономического роста их главными элементами в рыночной экономике выступают сбережения и инвестиции.

Чем же «рыночные сбережения» и «рыночные инвестиции» отличаются от «нерыночных сбережений» и «нерыночных инвестиций»?

Добровольностью формирования величины сбережений и выбора формы накопления!

В том-то и состоит противное свойство рыночной экономики, что в ней никого нельзя заставить сделать сбережения: соблазнить — можно, заставить — нельзя.

Более того, нельзя заставить отложить сбережения в необходимой для накопления величине, нельзя заставить сберегателей вложить их туда, куда это кажется важным не им, а правительству!

Такое насилие можно учинить только с нерыночными сбережениями, — вот государственный бюджет, действительно, можно тратить туда и столько, куда и сколько пожелает государство, — рыночные же сбережения подчиняются не нуждам государства, а капризной логике частного сберегателя.

Другими словами, конкуренция между частными инвесторами за конкурирующее предложение частных сбережений — таков непредсказуемый, изнуряющий и, одновременно, самый эффективный механизм роста рыночной экономики!

Поскольку модернизация тоже основана на манипуляции сбережениями и инвестициями, то в этом смысле она также является моделью экономического роста.

Но моделью — особой, особенность которой задается особым способом использования сбережений и инвестиций.

В этом особом способе и состоит вся теоретическая тайна модернизации.

Действительно, ситуация такова: существуют уже известные модели экономического роста, с их «обыкновенными» темпами экономического роста. Вдруг появляется некая новая модель, которая сулит небывало ускоренный рост экономики.

Каким образом? — В результате какого-то особого, «чудодейственного» способа использования неизменившегося объема сбережений и инвестиций.

Неужели в мире экономики все-таки случаются чудеса?

Экономисты, как известно, люди бывалые и по роду своей профессии — диалектики и материалисты. И в экономические чудеса они обычно не верят.

Поэтому раскрытие загадки «модернизационного» экономического роста и составляет сегодня главную задачу экономистов!

Тайна модернизации как небывало ускоренного роста экономики состоит в том, что это — *искусственное* ускорение экономического роста!

А искусственное оно потому, что достигается за счет *нарушения* (!) естественного рыночного механизма развития экономики.

Каким же образом такое нарушение может ускорить экономический рост? Ответ прост — модернизация отличается от других моделей экономического роста тем, что она означает *целенаправленный* экономический рост.

Другими словами, модернизация — это прирост производства в *определенных*, необходимых обществу, сферах, отраслях и регионах национальной экономики. Это значит, что модернизация есть попытка «подправить» вектор и темпы экономического развития, «направив» стихийное, неуправляемое движение в желаемое обществу «территориально-отраслевое русло».

Необходимость в модернизации возникает тогда, когда, говоря попросту, нет времени (или — желания!) ждать, пока желаемый уровень экономики будет достигнут в результате «естественно-экономического» развития.

Иногда же модернизация призывается, когда руководителям государства *кажется*, что нет времени ждать или им хочется добиться результата как можно быстрее. Так обычно происходит, например, во времена экономического кризиса, когда опасно ждать, пока экономика «сама» выйдет из кризисного состояния. В кризисный период государство начинает принудительное «лечение» экономики, прописывая ей «финансовые таблетки» и даже прибегая к «санационному промыванию».

В экономической истории России модернизация — не чрезвычайное, а, так сказать, «привычное» средство искусственного ускорения развития экономики: «петровская» модернизация, отмена крепостничества Александром Вторым, столыпинская реформа, ленинский нэп, сталинская индустриализация — все это сплошные модернизации.

Можно даже сказать, что особенность экономического развития нашей страны — в постоянном использовании такой специфической для других стран модели экономического роста, как «модернизация». «От модернизации — к модернизации» — таков удивительный алгоритм нашего экономического движения.

Разумеется, это — не самый лучший алгоритм, поскольку модернизация экономики — это всегда ее крутая ломка, это крайнее напряжение сил, которое надолго изматывает общество и экономику.

Привыкнуть к модернизации невозможно, поскольку это — «неестественный» скачок экономики, приобретающий свою логику развития, часто далеко отклоняющуюся от начальных замыслов авторов модернизации.

Модернизация — это *экстремальный* инструмент государственной экономической политики, когда все иные средства уже исчерпаны, но не принесли желаемого результата. Вот тогда и начинают «пришпоривать» развитие экономики в «нужном» направлении, чтобы инвестиции пошли именно в необходимые обществу сферы, причем пошли быстро и в требуемом объеме, а не в результате конкурентного самодвижения инвестиционного капитала (мало ли в какой оффшор занесет этот инвестиционный капитал под влиянием свободного конкурентного движения).

Особенно любят модернизацию администрирующие режимы — за ее *мобилизационный* характер, за возможность сплотить массы объединяющей общенациональной экономической идеей, за оправдание концентрации материальных и финансовых ресурсов в руках государства, то есть за построение «вертикали власти» над ресурсами.

Модернизация — это *административное* регулирование направления развития рыночной экономики, и потому она всегда «персона грата» у чиновников, которым вечно не терпится благодетельствовать народ за счет... его же сверхусилий.

Вот эти свойства модернизации — мобилизационность, административность, экстремальность — разрушают мотивацию труда, поскольку становятся привычными суррогатами эффективного поведения самостоятельных участников экономики. Все

время куда-то бежать, задыхаться и опаздывать, кого-то догонять, чувствовать, что тебя «пришпоривают», — это может сломать кого угодно.

Итак, модернизация — это сознательное придание государством искусственной целенаправленности экономике, то есть переориентация естественного развития рыночной экономики, *искажение вектора свободного рыночного поведения частных субъектов*.

Это искажение достигается введением направленных налоговых льгот, других преференций, созданием «особых» зон, государственными гарантиями кредитов на инвестиционные цели в определенные отрасли и т.д. Никаких других способов заставить сомкнутые ряды частных сберегателей и частных инвесторов действовать в интересах модернизации в условиях рынка не существует!

Но такой, преференционно-стимулирующий, способ коррекции является «щадящим» по сравнению с обществами, в которых малоразвит рынок, отсутствует гражданское общество и потому довлеет авторитаризм. Вот в таких обществах приходится «корректировать», а прямо прибегать к *насилию*, указывая, в какие отрасли вкладывать инвестиции.

Разумеется, такое насилие под силу только государству.

При каких же условиях модернизация российской экономики не превратится в аномальную девиацию ее экономического роста?

Сегодня опасность аномального отклонения модернизации российской экономики предопределена ее следующими системными особенностями.

Неразвитость рыночного сектора и определяемая этим невозможность *рыночных* сбережений вынуждают в качестве источника сбережений использовать исключительно накапливаемую часть федерального бюджета. А это немедленно придает формированию сбережений заведомо неэффективный административный характер.

Закрытость национальной экономики, сырьевая специализация и неразвитость рыночного сектора выдвигают на роль главного инвестора государственные административные институты, что заранее обрекает модернизацию на неэффективность — в силу бюрократизма, коррупции и монополизма российской экономики¹.

В результате и прирост производства — на основе неэффективных административных сбережений и неэффективного освоения инвестиций — также не может быть эффективным. Тем более что модернизация есть нарушение «естественного» хода экономического роста, «подправка» государством направления и темпов развития экономики, выводящее на, так сказать, «неестественное» ускорение темпов экономического роста.

История всех модернизаций российской экономики показывает, что эффективными из них являлись только те, которые расширяли экономическую свободу субъектов экономики:

¹ В издании «Бизнес в России: коммерческий справочник для американских компаний — 2008» (см.: <http://www.buyusa.gov/russia/en/ccg.html>) сообщается следующее: «Государственная бюрократия, плохо установленные нормы закона и коррупция затрагивают такие области, как создание бизнеса, налогообложение, урегулирование споров, права собственности, сертификация продукции и стандартов, а также таможенное оформление». Интересно, осталось ли что для бизнеса сверх перечисленного? И как должны вести себя американские бизнесмены, получив такие рекомендации? Но ведь эти же моменты представляют собой не меньшие пути и для российского бизнеса! Устранить эти препятствия — такая задача под силу только экономической модернизации России.

Россия остается крайне высоким риском страны для внешних инвесторов, — вторит другой источник (см.: <http://www.xe.com/news/2010-02-%2013:24:00.0/939789.htm?c=4&t=106>), поскольку ряд обстоятельств 2008 года обратил внешних инвесторов буквально в бегство (так, прямые иностранные инвестиции упали в России на 41 процент в 2009 году, уменьшив их до 40 млрд долларов). Теперь для привлечения иностранных инвесторов необходимо сделать гораздо больше, да еще представив неоспоримые доказательства необратимости предлагаемых преференций.

- ◆ «столыпинская» аграрная реформа предоставляла *экономическую свободу* крестьянам, наделяя их правом свободного выхода из общины;
- ◆ ленинская новая экономическая политика предоставляла *экономическую свободу* мелким и средним производителям, вообще частным предпринимателям;
- ◆ аграрная реформа Н.С. Хрущева предоставляла *экономическую свободу* крестьянам;
- ◆ «косыгинская» реформа предоставляла *экономическую свободу* предприятиям;
- ◆ «гайдаровские» реформы предоставляли долгожданную *экономическую свободу* вообще всем.

Поэтому **главной экономической целью и предпосылкой успеха предстоящей модернизации является решительное продолжение рыночных реформ, которые должны придать новый импульс остановившемуся в последние годы рыночному преобразованию российской экономики, дать экономическую свободу в тех сферах и отраслях, в которых она все еще отсутствует.**

Даже в развитой рыночной экономике ее модернизация также сводится к повышению свободы предпринимательства! Сошлюсь на Францию, где в 2008 году был принят специальный «Закон о модернизации». В этом законе предусмотрены все рычаги *экономической* модернизации: упрощение и поощрение предпринимательства, усиление конкуренции, повышение привлекательности французской экономики, финансирование «экономики услуг».

Из текста закона видно, что французы понимают модернизацию как совершенствование экономической организации национальной системы предпринимательства, а не как перечень производственно-технологических мероприятий.

В большинстве стран помощь предпринимателям приходит со стороны государства. У нас же это требует особого этапа — **модернизации экономики должна предшествовать модернизация самого государства**, остающегося основным субъектом российской экономики. Не модернизировав государства, нельзя начинать модернизацию экономики!

В этом отношении непреходящий урок продемонстрировала *сталинская индустриализация*, строившаяся на антилиберальных экономических предпосылках. В итоге возник странный мутант, сочетавший технологическую модернизацию с демодернизацией в экономике.

В результате, обеспечив краткосрочный технический прорыв, такая «чисто-производственная» модернизация обернулась в долгосрочном периоде катастрофой российской экономики.

Таким образом, если модернизация экономики есть усиление экономической свободы ее участников, то демодернизация экономики всегда есть отнятие этой экономической свободы.

Социальная сущность модернизации российской экономики и сегодня требует предоставления подлинно рыночной свободы всем «предпринимательствующим» участникам производства.

Однако модернизация как предоставление большей экономической свободы производителям и поддержка конкуренции в конкретных условиях современной российской экономики требует слома монополизма. Кроме того, модернизация российской экономики неосуществима без преодоления коррупции, теневой экономики, бюрократизма, администрирования.

Между тем текущий кризис оживил надежды тех, кто по-прежнему уповает на государственное вмешательство в экономику и обвиняет в кризисе либеральные тенденции, демонстрируемые глобальной экономикой.

Именно чрезмерное присутствие государства является основной причиной сохранения всего того, что препятствует развитию рыночной системы в России, — монополизма, коррупции, теневой экономики и бюрократизма.

Даже официальная статистика показывает, что государство контролирует сегодня почти 50% российской экономики (в реальности — гораздо больше).

Это так много, что даже высшие чиновники осознают эту чрезмерность. Например, по словам А. Кудрина, необходимо сокращать долю государства до 30% — среднемировой показатель присутствия государства в экономике.

Противники рыночных реформ часто апеллируют к опыту экономической модернизации Китая, который, как им кажется, реализовал извечную мечту консерваторов — «и волки сыты, и овцы целы»: не изменяя политической сферы, модернизировать экономику! Как же надо не знать основ социального устройства и презирать экономику, чтобы выдумать такой миф!

Модернизация в Китае началась еще в эпоху Дэн Сяопина, который отказался от жесткого государственного регулирования в экономике и установил торговые контакты с Западом.

Объективная логика экономической модернизации ведет китайскую экономику к статусу «открытой экономики», фактически — к капиталистическому развитию.

Сегодня модернизация китайской экономики означает демонтаж государственного протекционизма над неконкурентоспособными отечественными фирмами. Если бы это было не так, если бы в Китае по-прежнему бы сохранялась жесткая «экономическая вертикаль», то вряд ли бы мы завистливо рассказывали друг другу о том, что китайские товары можно встретить в каждом магазине Европы и США — то есть там, где и их-то производителям трудно втиснуться. А вот отсутствие наших товаров лучше всего свидетельствует о сохранении у нас антирыночной «экономической вертикали».

Заслуга Коммунистической партии Китая в модернизации китайской экономики состояла в том, что она «отошла в сторону» и удовлетворилась сохранением внешней, обрядовой стороны, заняла позицию невмешательства.

Однако в Китае, как и во всех других странах БРИК (Бразилия, Индия, Россия, Китай), остались традиционные для этих стран враги рынка — коррупция, жесткий бюрократизм и рыночная некомпетентность органов власти. По выражению Томаса Джефферсона, в таких странах особенно необходимо «не правительство людей, а правительство законов».

Поэтому опыт Китая доказывает противоположное тому, что в нем пытаются углядеть любители «восточной модернизации», — как и во всем мире, здесь вытесняется государство и высвобождается пространство для отечественного предпринимательства.

Никакого другого содержания у экономической модернизации нет, и не может быть — ни в Китае, ни в России, ни во Франции — нигде!

И нам надо осознать: настоящая конкуренция между странами БРИК — в том, кто раньше и системно овладеет рыночными формами. Если мы этого не поймем, а будем руководствоваться выдумками, то заплатим за это очень дорого — экономическим будущим России!

Модернизация российской экономики, не опирающаяся на модернизированное государство и не ставящая целью усиление экономической свободы участников производства, не сможет реализовать свой потенциал как особой модели экономического роста!